

7916/1/840

ОБЩЕСТВО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ и ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ
П.П.

98

В САМАРЕ.

МАТЕРИАЛЫ по изучению Самарского края.

Выпуск 5.

1928 год.

Выпуск 5.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие.—Материалы по археологии Самарской губернии.
III. Некоторые типы погребений бронзовой эпохи—*В. Гольмстен*. Аксаковская
комната—*В. В. Зенкевич*. Самара в половине XVII века—*М. Н. Тихомиров*. Из ма-
териалов Комиссии по изучению нацменьшинств.—Древние обряды Самарской
мордовы—*И. С. Поздняев*. Млекопитающие степей Юго-Востока Самарской губ.—*В. С. Ба-
жанов*. К вопросу об иммиграции лесных элементов в искусственные лесонасаж-
дения—*А. Ф. Терехов*.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий выпуск печатается спустя почти $2\frac{1}{2}$ года после вы-
хода в свет предыдущего номера „Бюллетеня“ Общества. Причина
такой задержки заключается единственно только в тех тяжелых ма-
териальных условиях, в которых все время протекает жизнь и работа
нашего Общества.

В таком виде, как нам удается издавать материалы наших работ, онे не могут, конечно, осуществлять задачу установления связи между Обществом и другими учреждениями, а также отдельными лицами, ве-
дущими работы по исследованию местного края. Но они не могут удовлетворить и другой задаче:—опубликованию работ и материалов Общества, являющихся результатом деятельности его членов. Печатается лишь небольшая часть, остальное остается или в архиве Об-
щества, или на руках у его членов, подчас не завершенное благодаря отсутствию надежды на опубликование.

Правление выражает надежду, что с преобразованием Самары в административно-экономический и культурный центр громадной и богатой возможностями Средне-Волжской области, изменится и положение с печатанием исследовательских работ.

Август 1928 г.

Правление О-ва.

Типография Селькредсоюза
угол Галактионовской
и Некрасовской
Самара.

Материалы по археологии Самарской губернии.

III. НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ ПОГРЕБЕНИЙ БРОНЗОВОЙ ЭПОХИ.

Археологические работы последних лет в Самарской губ., носившие преимущественно рекогносцировочный характер, дали ряд погребений разновременных и разнокультурных, но относящихся несомненно к бронзовой эпохи.

Анализ этих памятников дает возможность отнести часть из них к культурам уже известным из открытых в других областях Союза, часть же выделить, как характерные для Среднего и Нижнего Поволжья и Заволжских степей. Курганы, заключающие погребения разных типов, по внешним признакам мало рознятся между собой—это, обычно, круглые невысокие расплывчатые насыпи, редко превышающие в высоту 1 м. и в диаметре—20 м. Некоторые погребения, однако, были обнаружены случайно, напр., на развеиваемых дюнах или в обваливающихся берегах, причем обстановка их все же не исключала возможности нахождения в данном месте когда-то курганной насыпи.

Также представляется затруднительным установить различие типов на основании формы могильных ям: это обычно овальные или подчетырехугольные грунтовые ямы и лишь некоторые детали, как присутствие дерева в сооружениях отличают один тип погребений от другого.

Таким образом, главным материалом в деле определений типов является положение и ориентировка покойника, а так же могильный инвентарь, к сожалению, по большей части очень бедный. Из последнего наибольший материал дает керамика, на основании изменения формы, которой часто представляется возможным наметить взаимоотношение отдельных типов погребений.

Меньшинство из открытых на площади Самарской губ. погребений относится к типу древне-ямных, особенно бедных инвентарем, а часто и совсем без него, но зато с довольно устойчивой ориентировкой и положением. Обычным положением костяков древне-ямных погребений является на спине с согнутыми в коленях ногами, упавшими на ту или другую сторону. Ориентировка—головой на В. с обычными отклонениями к С. или к Ю. Типичным для этого рода погребений является обилие краски, как на костяке, так и под ним. Из состава инвентаря руководящими предметами представляются сосуды остро- и круглодонные; но часто погребения не сопровождаются никакими вещами.

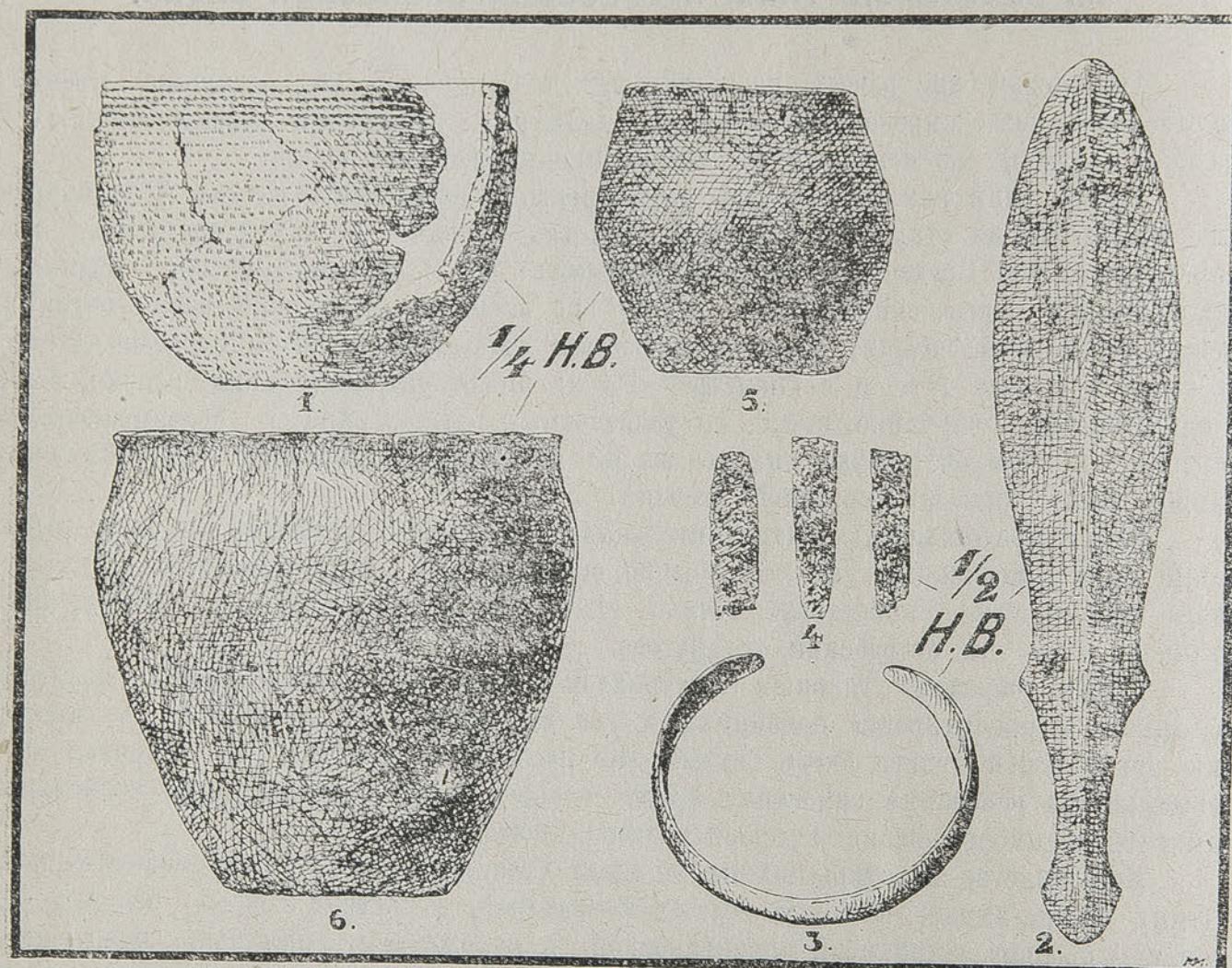
Погребения этого типа были открыты: 1) в 1923 г. бл. с. Березняки, Бугурусланского у. (р. М. Кинель¹), 2) в 1923 г. бл. с. Канаевка Пугачевского у. 3) в 1926 г. бл. пос. Микулино Бугурусланского у. (р. М. Кинель) и 4) в 1926 г. бл. с. Аверьяновки, Бузулукского у. (р. Кутулук)

¹) Описано в «Бюллетене Общ-ва А. И. Э. и Е.» № 2.

Погребения этого типа являются тождественными с такими же на Украине²⁾ и в других местностях Поволжья³⁾. Для нашего края они должны считаться древнейшими и начинают собой серию погребений бронзовой эпохи.

Между типом древне-ямных погребений и следующим известным нам срубным замечается как бы перерыв, зависящий, вероятно, от недостатка материала. Пока нет возможности установить приемственную культурную связь между инвентарем погребений того и другого типа. Без сомнения этот перерыв со временем заполнится, на это указывает случай находки сосуда особого характера, но несомненно бронзовой эпохи, который не имеет аналогий в инвентаре известных нам типов погребений.

К сожалению, обстоятельства находки сосуда таковы, что не позволяют иметь суждение о типе погребения, которое он сопровождал, т. к. оно оказалось разрушенным. Сосуд этот (рис. 1), найденный в кургане № 1 бл. с. Аверьяновки, Бузулукского у. (раскопки 1926 г.), по своей общей форме напоминает сосуды катакомбных погребений Украины, с которыми его сближает и прямая шейка, украшенная несколькими рядами веревочки и сплошная орнаментация тела мелким чеканом.

Переходя к следующему типу погребений бронзовой эпохи, следует отметить, что таких нам известно очень мало. Обстановка чисто срубного типа, установленного проф. В. А. Городцовым его раскопками 1901—1903 г. на Украине была встречена нами лишь один раз, в 1923 г. в кургане, № 16 бл. с. Березняки,

²⁾ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ. в 1901 г. Тр. XII Арх. съезда, стр. 180 и след.

³⁾ П. С. Рыков. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском у. Сарат. губ. в 1922 г. Тр. О И. А. и Э при Сарат. ун-те, вып. 34, ч. 1, стр. 4 и след.

— P. Rau Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppen-Seite des Deutschen Volgabietes im Jahre 1926. Mitteilungen des Zentralmuseum der A. S. R. R der W. Jahrgang 2. Heft 1 S 68—71.

Бугурусланского у. Хотя погребение было разграблено, но ориентировка ямы четырехугольной формы СЗ—ЮВ, наличие сруба из трех венцов с ясно выраженными пазами по углам, следы накатника из бревен и остатки сосуда с несколько округлыми ребрами из глины с большой примесью раковины и с орнаментом, нанесенным по плечикам многозубчатым чеканом,—все это указывает на тип погребения срубного, сравнительно чистого типа.

Все остальные погребения бронзовой эпохи можно было бы грубо обединить в одну группу, т. к. они несомненно являются связанными между собой и имеют очень много общего. Положение костяков обычно склоненное, на левом боку, кисти рук—часто у лица, ориентированы с тяготением к С., краска встречается редко, сопровождаются бронзовыми плоскими ножами, браслетами, височными кольцами и др. украшениями, а также сосудами. Но более детальное рассмотрение инвентаря заставляет всю эту группу разбить на два типа, один из которых, более поздний явится чистым типом, а другой—более ранний, составит как бы переход к нему от срубного. Этот переходный тип можно назвать или поздне-срубным или срубно-хвалынским, последнее точнее может определить его переходный характер.

Хвалынская культура за последние годы приобрела у археологов Среднего и Нижнего Поволжья полные права гражданства. Получившая свое имя от известного клада бронзовых вещей Сосновой мазы, Хвалынского у., связанная с ним отдельными предметами, она дала большое число памятников в виде селищ и курганных погребений. На площади одной Самарской губ открыто свыше 200 селищ этой культуры, причем, учитывая то обстоятельство, что культурные слои их залегают обычно довольно глубоко—в нижнем горизонте чернозема, можно думать, что нам известна пока лишь незначительная часть поселений Хвалынской культуры,—та часть, которая по причине некоторых благоприятных условий была обнаружена при разведках.

Главный материал, который дают культурные слои Хвалынской культуры, составляет керамика вполне определенного характера в виде сосудов горшечно-баночной формы, иногда очень крупных, сравнительно крепкого обжига, частью неорнаментированных, частью с разнообразным орнаментом, среди которого преобладает нанесенный многозубчатым или другим чеканом, реже встречается резной орнамент; в громадном большинстве случаев орнамент занимает верхнюю часть сосуда и в исключительных случаях спускается ко дну.

Довольно обычны сосуды со следами то крупного, то мелкого сглаживания. На некоторых селищах к вышеописанной керамике примешиваются обломки острореберных сосудов. Остальной инвентарь селищ представляется в виде поделок из кости: шилья, «серпы» из челюсти лошади или коровы, рукоятки из трубчатых костей и т. п., предметов из камня: пестов, курантов, терок, грузил, литейных форм, а также в редких случаях из бронзовых изделий, среди которых особенно части четырехгранные шильца, иногда встречаются обломки плоских ножей, листовидные наконечники стрел, кривые обоюдоострые ножи и др. Связь Хвалынской культуры со срубной намечалась давно на основании совместных находок в культурных слоях керамики характерной как для той, так и для другой культуры и в настоящее время для нас является несомненным, что в нашем крае срубная культура переходит постепенно в Хвалынскую, утрачивая свои характерные формы и получая новые. Подтверждение существования этого переходного периода мы видим в ряде погребений, носящих черты общие для обеих культур и, в то же время, тяготеющих то к той, то к другой из них, а также в большом разнообразии сосудов, дающих ряд вариантов, приближающихся то к типу острореберных, то горшечно-баночных.

Погребения срубно-хвалынского типа открыты: в Бузулукском у., бл. с. Покровки (р. Самарка)—одно погребение и бл. с. Домашки (р. Самарка)—одно погребение, в Самарском у., бл. с. Пустовалова (р. Кутулук).—два погребения и бл. с. Кротовки (р. Б. Кинель),—два погребения. Погребения бл. с. Кротовки—курган № 3,

погр. 1 и 2, являются большие сходства с погребениями с. Скорнякова Воронежской губ.⁴⁾ как в обстановке, так и в инвентаре. Могильные ямы были закрыты накатниками из толстых бревен, костяки лежали скорчено, на левом боку, руки у лица, головой на С. Инвентарь состоял из плоских листовидных ножей (рис. 2) и острореберных сосудов срубного типа из глины с большой примесью толченых раковин, плохого обжига, орнаментированных по плечикам многозубчатым чеканом; в одном из погребений на руках костяка было по бронзовому браслету из выпукло-вогнутой пластинки (рис. 3) и у черепа небольшие височные кольца калачиком той же техники, как и браслеты.

Погребения в кургане бл. с. Пустовалова дают тот же обряд погребения в смысле положения костяка и ориентировки, но в устройстве могильного сооружения имеется разница; накатник отсутствует и грунтовая яма имеет своеобразную форму—узкая наверху, она к низу расширяется. В отношении инвентаря сходными с кротовскими являются браслеты, хотя нестоль массивные, но сохраняющие свою желобчатую форму. Также сходным является височное кольцо, следы которого обнаружены на черепе костяка. Кроме того, при одном костяке обнаружены бронзовые продолговатые пластинки с мелкими отверстиями (рис. 4) и при двух костяках—мелкие пастовые бусы. Керамика представлена сосудами сохраняющими реберчатость, но с перемещением ее ниже к дну и не столь резкой, как у срубной посуды (рис. 5), что производит формы близкой к баночной; орнамент отсутствует, обжиг сравнительно крепкий. Другой сосуд этого же погребения напоминает срубный: с ребром, образующим плечико.

К этому же типу относится, вероятно, погребение открытое на дюнах р. Самарки, бл. с. Покровки. Костяк детский, на левом боку, головой на С., сопровождался сосудом и костями барана. Сосуд острореберный с резным орнаментом в виде зигзага. Погребение бл. с. Домашки (раскопки т. т. Мизиновой и Данько) не дает ясной картины по причине плохой сохранности: погребение детское и скорченное положение устанавливается условно, но ориентировка определена—СВ. Инвентарь—бронзовый тонкий браслет вышеописанной формы, бронзовые поделки в виде пластинок с прорезями и сосуд приближающийся к баночной форме со слабо выраженным ребрами. Над погребением—кострище с черепками других сосудов, среди которых есть относящиеся к острореберным.

Если признать связь между кострищем и погребением, то мы вправе считать последнее срубно-хвалынским. Самым поздним типом погребений бронзовой эпохи на площади Самарской губ., является собственно-хвалынский, тесно связанный с предыдущим. Он является довольно устойчивым, как в смысле обряда, так и в отношении инвентаря. Последний представляется, однако, очень бедным и, в большинстве случаев, ограничивается 1—2 сосудами. Характерными чертами этого типа являются простые грунтовые ямы, иногда с деревянным покрытием, чаще без него, положение согнутое, на левом боку с руками у лица, ориентировка устойчивая на С. Краска встречается крайне редко. Часто находятся кости животных: коровы и барана. Сосуды особой горшечно-баночной формы со слабо отогнутыми или прямо-срезанным краем, бока округлые, некоторые экземпляры сохраняют следы слабой реберчатости в верхней части (рис. 6). Признак, отличающий сосуды более позднего времени—их вытянутость, представляющая полную противоположность низкой приземистой форме срубных сосудов. Глина—редко с примесью толченых раковин, чаще же с примесью песка или толченых черепков. Обжиг довольно сильный. Сосуды обычно без орнамента, реже украшены чеканным или резным узором, причем многозубчатый чекан, такой характерный для более раннего времени, уступает место простому чекану, круглому. Характерны сосуды со следами сглаживания то мелкого, то более грубого. Погребения этого типа были встречены в следующих пунктах: Бузулукском у., бл. с. Борского, на дюнах р. Самарки,—два погребения, бл. с. Лешевки также

⁴⁾ В. И. Сизов. Скорняковские курганы, Воронежской губ. «Древности», т. XII, протоколы.

на дюнах Самарки одно погребение, бл. с. Аверьяновки (р. Кутулук) в кургане № 6, в Бугурусланском у., бл. с. Березняки, случайно обнаруженное на скате к р. М. Кинель—одно погребение, в Самарском у., бл. с. Воскресенки, в кургане № 15 и бл. ст. Безымянки в кургане № 3, погребения 2 и 3.

Описанными четырьмя типами погребений, без сомнения, не исчерпываются все виды погребений бронзовой эпохи в Самарской губ. Не говоря о том, что встречаются в отдельных типах некоторые отступления от обычной обстановки, имеются некоторые погребения несомненно бронзовой эпохи, которые, однако, невозможно отнести к тому или иному типу. Вышеописанный горшок архаического типа (рис 1), очевидно входит в состав инвентаря погребений, тип которых нам еще неизвестен.

Также неясным представляется погребение 1 в кургане № 13 бл. с. Березняки, Бугурусланского у., обнаруженное при раскопках 1923 г.: погребение впускное, в насыпи, костяк на спине, склонен на левую сторону, ноги сильно согнуты, ориентирован СЗ, обильно окрашен и сопровождается комками краски, сосуд круглодонный без шейки, не орнаментированный, крепкого обжига. Отнести это погребение к древне-ямным, к которым оно всего ближе подходит и по положению и по обилию краски, не позволяет ориентировка и, главное, сосуд, хотя и круглодонный, но хорошо сформованный и обожженный и совершенно отличный от древне-ямной посуды.

Вообще, следует ожидать, что в будущем число теперь намеченных типов погребений бронзовой эпохи должно увеличиться, а также, что будущие работы внесут некоторые корректизы в те характеристики, которые нами даются в настоящее время. Накопленного материала еще слишком мало для вполне твердых суждений о сменяемости типов погребений и о культурах, к которым они относятся. Это лишь предварительная, черновая наметка, необходимая для приведения в некоторый порядок имеющегося материала и для облегчения его систематизации в будущем.

Типы древне-ямных и срубных погребений представляются довольно определенными, будучи тесно связанными с таковыми же из других областей Союза. Что касается типов срубно-хвалынского и собственно-хвалынского, то в них есть еще много неясного. Их взаимоотношение нам кажется ясным: это памятники одной культуры, переживающей много столетий и изменяющей свои формы. Помимо многочисленности памятников этой, в широком смысле слова, хвалынской культуры, ее продолжительность ее указывает содержимое культурных слоев ее селищ, а также инвентарь погребений. В их составе мы находим очень ранние формы, как напр., плоские топоры и плоские ножи, а с другой стороны—развитые кельты, серпы и др. формы, относящиеся к позднему времени.

Думается, что тот срок существования хвалынской культуры, который ей дает А. М. Тальгрен—1400—1100⁵⁾ слишком мал и его нужно удлинить на несколько веков, как в ту, так и в другую сторону и б. м., довести ее до IX в. Мыскорее готовы присоединится к датировке П. С. Рыкова—1600—900 л. до н. э.⁶⁾, хотя среди Самарских памятников безусловного подтверждения этой даты мы еще не имеем.

Вопрос о конце Хвалынской культуры пока не ясен: развиваясь на протяжении многих веков, она как-бы внезапно обрывается, не давая никаких дериватов. В тех культурных слоях, где керамика хвалынской культуры смешивается с более поздней, как напр., на Алексеевском городище, Саратовской губ.⁷⁾ или бл. кирпичных сараев под г. Самарой, мы видим, что ей на смену приходит рогожная керамика, оставленная, возможно, ранними финнами. Из этого можно заключить, что Хвалынская культура заканчивает свое существование с началом железной эпохи.

В. В. Гольмстен

⁵⁾ A. M. Tallgren. La Pontide prèscytique après l'introduction des métals. Hels. 1926 г. ESA. II, p. 215.

⁶⁾ Проф. П. С. Рыков. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. Отд. от. Изв. Краеведческого Института, т. II, 1927 г.

⁷⁾ П. Рыков. Археологические раскопки и разведки в нижнем Поволжье и Уральском Крае летом 1926 г. Изв. Краевед. Института Саратов. 1926 г. Стр. 134.

Аксаковская комната.

Аксаковская комната является хранилищем документов и др. предметов, относящихся к семье Аксаковых. Филиал Областного музея под кровлей Общества археологии, истории, этнографии и естествознания в гор. Самаре, комната-музей может дать некоторое представление о той обстановке, в которой жили Аксаковы. Правда, скучность предметов обстановки и обихода не дает желанной полноты картины и реконструировать хотя бы одну комнату из Аксаковского дома во всей полноте не удалось. Однако, общий вид комнаты и ряд отдельных предметов ее обстановки, дают впечатление той эпохи, к которой относится время наибольшего расцвета семьи Аксаковых.

Предметы хранения распадаются на музейные и архивные, имеющие между собою тесную связь. К первым относится мебель, портреты, картины и т. п., ко второй рукописи, дневники, стихи, письма и разные заметки. Большинство предметов мебели и картин относятся ко времени жизни Сергея Тимофеевича Аксакова, архив же того времени сравнительно беден. Мы имеем очень ограниченное количество №№, относящихся к Сергею Тимофеевичу, его жене Ольге Семеновне, дочерям и старшему сыну Константину Сергеевичу. Это досадное обстоятельство обясняется тем, что эти архивы ко времени 1917 г. в целях их издания были в различных типографиях, где некоторые погибли, а часть ныне поступила в Академию Художественных Наук в Москве¹). Большая часть писем и рукописей нашего собрания относятся к Ивану Сергеевичу Аксакову, его жене (Анне Федоровне, дочери поэта Ф. И. Тютчева) и к семье Григория Сергеевича Аксакова.

Среди этих основных фондов встречаются и письма лиц близких семье Аксаковых, в которых лишь упоминается тот или иной член рода: эти фонды выделены, но значатся в общей описи. По характеру своему весь материал на половину семейный, интимного содержания, и дает указания на всех членов семьи Аксаковых. Многое из этой части нашего собрания уже издано. Другая часть, почти равная первой: переписка политическая и литературная со знакомыми и официальная. Эта часть в значительной степени относится к Ивану Сергеевичу. Здесь черновиков литературных статей, актов имущественных и иных документов юридического порядка сравнительно мало.

Архив хранится в папках или особых матерчатых конвертах и уже может считаться вполне доступным для научного использования. Карточный каталог изданий, где опубликованы письма или помянуты Аксаковы, был составлен еще в 1922 г., но к сожалению, не целиком охватывает периодическую литературу, в которой появлялось большое количество писем, изданных за последние десятилетия. При комнате есть библиотечка печатной литературы и трудов семьи с небольшим количеством книг, принадлежавшим лично кому либо из семьи Аксаковых.

Тут же хранятся и портфели с рисунками, эскизами и набросками Аксаковых, которые не лишены интереса и с художественной стороны. Из предметов, заслуживающих особого внимания, кроме ранее изданных, отмечаем прекрасный и весьма любопытный портрет Тимофея Степановича Аксакова, конца 18 века, не-

¹⁾ Информац. Бюллентень № 49—50 (74) 17/XII 1926 г. Всесоюзн. О—ва Культ-Связи с заграницей.

известного мастера: Тимофей Степанович здесь изображен с двумя сыновьями, Сергеем и Николаем; второй портрет, тоже неизвестного мастера, той же эпохи, представляет собою поясное изображение Марии Николаевны Аксаковой. Этот последний портрет прекрасной сохранности и свежести красок. Наконец, имеются три небольшие акварели 30 годов Сергея Тим., Ольги Семеновны и Ив. Сергеевича Аксаковых.

Два источника послужили для образования комнаты-музея. Меньшая часть предметов перешла в городской музей из Дома Дворянства, где 16 июня 1909 г. была основана Аксаковская комната. Главная инициатива ее образования принадлежит другу семьи Аксаковых—А. Н. Наумову. Собрание это составилось из пожертвований внуков Серг. Тим. и ряда других лиц, и было посвящено памяти Сергея Тимофеевича. Письма и рукописи были помещены в прекрасных темно-красных сафьяновых папках, в количестве 8 штук и тщательно описаны хранителем комнаты И. П. Елшиным. К сожалению, осталось описание лишь одной папки, а остальные утрачены при передачах архива из одного учреждения в другое. В 1909 году была издана памятка²⁾, в которой описана Аксаковская комната Дома Дворянства. Из этой брошюры мы видим, как сравнительно мало мы получили вещей из этого источника и даже это немногое, не пришло целиком³⁾. Вторая, более значительная часть нашего собрания была вывезена Губмузеем в 1921 г. из сельца Языкова, Могутовской волости, Бугурусланского у. Сам. губ., где 7. IV т. г скончалась одна из представительниц рода Аксаковых в Сам. губ., Ольга Григорьевна⁴⁾. Вещи получены ею были по наследству от отца и родственников и главным образом представляют семейные портреты (см. выше). Самое ценное в этом наследстве было, конечно, очень большое количество документов, на истории накопления и судьбы коих позволяю себе остановиться.

Постепенное накопление архива произошло следующим образом. Чрезвычайно обширная семья Аксаковых была необыкновенно дружна и сплочена. Если изредка случалось, что члены ее расставались, то переписка шла между ними ежедневно, письма тщательно сохранялись. Тоже происходило и с письмами знакомых и родственников. Таким образом, ко времени смерти Серг. Тим. уже был значительный фонд, который получил Ив. Сергеевич, имевший наибольшие возможности его использования и издания. Смерть Константина Сергеевича и постепенно сестер и Ольги Семеновны сосредоточили в руках Ив. Серг. значительный фонд. Приводя в порядок и этот, и свой архив к концу жизни, Иван Сергеевич наименее важные, по его мнению, письма уничтожил, а остальные, положив в конверты, разбрал по лицам и собственноручно охарактеризовал⁵⁾.

Ко дню его смерти почти все было приведено в порядок и его жена Анна Анна Федоровна могла легко приступить к изданию документов. Она сосредоточила свое внимание на издание переписки Ив. Сергеевича и его трудов. К 1889 г. уже изданы были VIII томов трудов Ив. Серг. и 3 тома его писем⁶⁾. Главным помощником при издании, взявшим на себя хлопоты, был В. С. Россоловский,⁷⁾ также помогавший и Ив. Сергеевичу, а впоследствии Ольге Григорьевне и Дарье Федоровне Тютчевой, к которым перешел архив в 1889 году. Д. Ф. Тютчева не пожелала брать на себя труд издания и передала все доставшееся ей в Общ. Ист. и древ. Российских при Моск. Университете. У секретаря Общества Е. В. Барсова они пролежали под спудом до 23/II—1892 г., когда, после долгой переписки, были

2) 50-летняя годовщина смерти Сер. Тим см. «Памяти С. Т Аксакова 1791—1859 г.» юб. издание. Самара 1909 г. стр. 29 и 2 канаты

3) Например, удочки Сер. Тим. Аксакова и др.

4) Ольга Григорьевна Аксакова р. 26/XII 1848 г. ум. 7/IV 1921 г. в. Языкове, член Общества Археологии в Самаре, ей мы обязаны сохранением архива.

5) К сожалению очень немногие из этих конвертов сохранились, а если и сохранились, то письма из них изъяты и распылены.

6) Ив. Серг. Аксаков в его письмах, Москва 1888 г. т. I и II; 1892 г. т. III.

7) Присяжный поверенный Вячеслав Россоловский; в архиве целый ряд его писем и писем к нему.

изъяты Россоловским и актом 19/IV—1892 г. переданы А. Ф. Бычкову в Имп. Публичную библиотеку.

Бычков взял на себя продолжение издания писем Ив. Серг., им был собран IV том⁸⁾ писем, но к сожалению, цензурные условия того времени не позволили продолжить этого дела. Часть писем, а именно, дела Славянского комитета 1876—1877 гг. и Болгарского ополчения были еще ранее поднесены Александру III-му, который указом 1889 г. передал их в Имп. Публичную библиотеку и таким образом часть писем сосредоточилось в этом хранiliще.

Значительное большинство, однако, сосредоточилось в Языкове у Ольги Григорьевны Аксаковой, которая ревностно принялась за издание богатого наследия. Почти все периодические издания того времени содержат отдельные письма или целые переписки с тем или иным видным лицом. Ее усилиям мы обязаны и появлением 3-го тома писем Ив. Сергеевича и отчасти 4-го, т. к. многие письма, не будучи переданы в библиотеку, были доставлены ею. Это безкорыстное дело было прервано войной и последующими событиями и до сих пор не возобновилось. Следует наконец отметить, что часть Аксаковского архива находится еще в г. Уфе, в библиотеке имени С. Т. Аксакова. Вывезенное в Самару Губмузеем и соединенное с Аксаковской комнатой собрание было передано в 1921 г. Обществу Археологии для каталогизации и описания, что было закончено лишь в 1928 году. Первым и хранителями комнаты были члены Общества М. Н. Тихомиров (1921—1923 г.) и С. А. Зыбин (1923—1926 г.), а потом комната поручена мне. К настоящему времени архивная опись содержит 500 №№ с количеством документов, доходящим на круг до 50 штук (сюда не входят мебель, картины, фотографии). С приведением в окончательный порядок архива начнется продолжение прерванного его опубликованию (одной из интереснейших переписок 19 в.), что является очередной задачей, которую мы себе теперь ставим. Собрания комнаты часто служили материалом для отдельных исследователей как для научных или литературных работ, так и для докладов.

Пользуясь случаем принести благодарность сотрудникам Аксаковской комнаты, членам Общества, работавшим по описанию архива: К. В. Александровой, Л. В. Бенедиктову, О. С. Бабердиной и С. А. Гариной, безкорыстная работа коих, часто в достаточно трудных условиях, дали возможность так скоро закончить описание архива.

За последнее время Аксаковская комната пополнилась некоторыми новыми предметами. В 1926 г осенью археологической экспедицией Курсов Краеведения при Обществе были доставлены два больших портрета Григ. Серг. и его жены из сельца Языкова. В настоящем году предполагается подобная же экспедиция и есть надежда из сохранившегося дома в Знаменском получить еще несколько ценных предметов, принадлежавших семье Аксаковых.

Аксаковская комната в текущем году была открыта для экскурсантов и проведено было 5 экскурсий с небольшими лекциями. Кроме того в дни конференций Общества комната открыта для посетителей и членов Общества.
20 марта 1928 г.

Хранитель Аксаковской комнаты В. В. Зинкевич.

⁸⁾ Ив. Сер. Аксаков в его письмах, СПБ 1896 г.

Самара в половине XVII века*).

Самара относится к числу самых древних русских городов Среднего и Нижнего Поволжья. Основание ее восходит к концу XVI века, примерно, к 1586 году. Но первоначальная история Самары, XVII и даже XVIII века, мало разработана. Это объясняется, конечно, небольшим количеством источников, которыми мы располагаем для истории Поволжья. Но и эти источники использованы не до конца. К числу таких источников, уже известных, но не вполне использованных, принадлежит переписная книга города Самары и его уезда 7154—1646 года. На основании этой книги Перетяткович („Поволжье в XVII и нач. XVIII века“, 1882 г.) дал картину Самары XVII века, общий итог количества дворов и населения. Однако, этим наш памятник не исчерпывается, что позволяет мне дать несколько более полную картину города Самары в 1646 году.

Переписная книга Самары и Самарского уезда хранится в быв. Московском Архиве Министерства Юстиции, в описании она значится под № 2431 (К. 6468). Перепись дворов была сделана по приказу из Москвы: „велено Миките Зюзину да под (ъ)чemu Лукѣ Пантелееву ѿхать на Самару і в Самарской уѣзд“. На основании этого распоряжения писцы „по именам переписали и пересмотрѣли сами всѣх налицо,“ сперва город, а затем уезд. В результате было составлено описание Самары, под назвием: „Самарсково города на посаде і в слободах жилецкие и бобыльские дворы а во дворех людей по имяном с отцы і с прозвищі“ (л. 4 об.). Всего в книге описание города и уезда занимает л. л. 4 об.—67.

Как мы видим, описаны были посад и слободы, но из слобод указана только одна Болдырская слобода; про нее говорится так: „посадцкие же люди живут своими дворами за острогом в Болдырской слободе“ (л. 15 об). Слова „за острогом“ надо, повидимому, понимать в том смысле, что Болдырская слобода находилась вне городских укреплений. В этом смысле с указанием переписной книги интересно сравнить рассказа купца Ф. Я. Котова, проезжавшего около времени составления переписной книги, в 1623 году, мимо Самары. „Город Самара стоит на луговой стороне, от Волги пѣсок залег, а город стар, рубленой, низок, и острог по тому же по городовому мѣсту. А под городом рѣка Самара течет и(з) степи, устье под городом пало в Волгу, по нижнюю сторону города, а над рекою бани, а посады и ряды в городе, а около степь“. (См. Н. М. Петровский „Новый список путешествия Ф. Я. Котова“ — в Известиях Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. Наук, том XV, кн. 4-ая, 1910 г. кн. 4, знаки препинания расставлены мною). Как обяснить противоречие между словами Котова, по которому „посады и ряды в городе“ и переписной книгой, помещающей Болдырскую слободу „за острогом“ решить не берусь. Отмечу только, что в этой Болдырской слободе жило много стрельцов и духовенства.

Всего в городе Самаре, по переписной книге, было 137 дворов, из них 81 двор стоял на посаде, а 56 в Болдырской слободе. Населения в этих дворах, по моим

*) Со своей стороны мы можем пополнить сообщение М. Н. Тихомирова теми сведениями, которые приводятся в имеющейся у нас ненапечатанной работе А. А. Гераклитова, Саратовского исследователя, посвященной также 17 веку.

подсчетам, было 356 человек мужского пола. Этот итог расходится с итогом переписной книги, где показано 317 человек (ср. у Перетятковича). Разница зависит оттого, что в подсчет переписчиков не вошли стрельцы и, может быть, духовенство, хотя некоторые стрелецкие дворы, в которых жили посадские люди, занесены в книгу.

Но и общий итог в 356 чел. муж. пола надо признать неточным, в него не включены военные силы, стоявшие в городе и довольно значительные по числу. О них можно судить по указаниям переписной книги на владельцев дворов, где жили посадские люди. Среди этих дворов были дворы, принадлежавшие пешим и конным стрельцам, пушкарю, гортовскому казаку, стрелецкому пятидесятнику и сыну боярскому Андрею Алампееву¹⁾.

Связь между посадским населением и стрельцами была очень тесной. В 7 дворах у посадских людей показаны родственники, находящиеся в стрельцах (сыновья, братья, пасынки). Очень многие из посадских людей жили у стрельцов в соседях, значит, не имели собственных дворов. Таких посадских людей с их семействами я насчитал 14 дворов, при чем большинство этих дворов (9) находилось в Болдырской слободе²⁾. В той же слободе стояли еще 3 двора, принадлежавшие отставленному пушкарю и двум отставленным, т. е., отставным стрельцам.

Близость к границе сказывается также на населении. Часть несвободных людей, живущих в городе, несомненно, брала начало от пленных татар и чувашей. Например, в одном посадском дворе показаны: „дворовых два ч(е)л(о)в(е)к(и)..... родом нагайченки, в другом живет „купленои ч(е)л(о)в(е)къ родом татарченокъ“. В дворе одного из Троицких попов живет дворовый человек, он „женат на купленой ево (попа) жонке на татарке на Манке“. Еще интереснее описание двора братьев Щелкиных, у них живут два купленных татарченка Микитка и Андрюшка, да у них же живет еще Кирюшка, „родом чювашенин, а крѣпости у них на того Кирюшку никакие нѣт да у них же живет в закладе в четырнадцати рублях чювашенин самарского уѣзду Яндреко Вырустаев“.

Очень любопытны указания переписной книги на происхождение некоторых посадских людей. В свое время Перетяткович указал, что состав населения Самары может отчасти указывать нам на посредственное значение города для верхового и низового Поволжья; среди посадского населения Самары попадаются иногда такие прозвища, как „Чебоксаренин“, „Казанец“ и „Черноярец“ (стр. 229). Не знаю, откуда взял Перетяткович последнее прозвище „Черноярец“, в переписных книгах я его не нашел. Зато там есть еще и другие прозвища. Больше всего указано—казанцев (3), затем следуют: чебоксаряне (2), лысковцы (2), переяславец (1), владимирец (1), царицынец (1), вятченин (1), торопченин (1), рязанец (1), нижегородец (1), вязниковец (1).

Всего в 15 дворах на 157 дворов посадские люди имеют прозвища, указывающие на происхождение их владельцев, количество столь незначительное, что не позволяет делать каких либо выводов о большой или малой подвижности населения, посредственном или непосредственном значении Самары для верхнего и нижнего Поволжья.

Интересны еще сведения о дворах духовенства, находящихся в Болдырской слободе. Здесь указаны дворы двух Троицких попов, Троицкого дьячка и пономаря. Здесь же были дворы двух Никольских попов, дьякона и пономаря. Таким образом

1) Стрельцы делились на сотни и таких сотен (может быть далеко не по 100 человек) на Самаре считалось до 4-х. Стрелецкая служба была тяжелая: служили они „в гребле (рабочими на веслах) и в провожатых подо всякии людьми“ по Волге, а также „ездили в Москву со всякими делами и отисками.“ Были „юртовые“ казаки, вышедшие с Яика (Урала), из тамошних угодьев—„юртов“ на житъе в Самару. С 1675 г. среди служилых людей показываются какие-то „иноzemцы“. П. П.

2) Посадские люди служили при кабаке и при таможне и отвечали за доходы этих учреждений. Упоминается также „пропуск с Яика рыбного и икряного про-мыслу,“ которым занимались некоторые самаряне. П. П.

подсчетам, было 356 человек мужского пола. Этот итог расходится с итогом переписной книги, где показано 317 человек (ср. у Перетятковича). Разница зависит от того, что в подсчет переписчиков не вошли стрельцы и, может быть, духовенство, хотя некоторые стрелецкие дворы, в которых жили посадские люди, занесены в книгу.

Но и общий итог в 356 чел. муж. пола надо признать неточным, в него не включены военные силы, стоявшие в городе и довольно значительные по числу. О них можно судить по указаниям переписной книги на владельцев дворов, где жили посадские люди. Среди этих дворов были дворы, принадлежавшие пешим и конным стрельцам, пушкарю, гортовскому казаку, стрелецкому пятидесятнику и сыну боярскому Андрею Алампееву¹⁾.

Связь между посадским населением и стрельцами была очень тесной. В 7 дворах у посадских людей показаны родственники, находящиеся в стрельцах (сыновья, братья, пасынки). Очень многие из посадских людей жили у стрельцов в соседях, значит, не имели собственных дворов. Таких посадских людей с их семействами я насчитал 14 дворов, при чем большинство этих дворов (9) находилось в Болдырской слободе²⁾. В той же слободе стояли еще 3 двора, принадлежавшие отставленному пушкарю и двум отставленным, т. е., отставным стрельцам.

Близость к границе сказывается также на населении. Часть несвободных людей, живущих в городе, несомненно, брала начало от пленных татар и чувашей. Например, в одном посадском дворе показаны: „дворовых два ч(е)л(о)в(е)к(и) . . . . . родом нагайченки, в другом живет „купленой ч(е)л(о)в(е)къ родом татарченокъ“. В дворе одного из Троицких попов живет дворовый человек, он „женат на купленой ево (попа) жонке на татарке на Манке“. Еще интереснее описание двора братьев Щелкиных, у них живут два купленных татарченка Микитка и Андрюшка, да у них же живет еще Кирюшка, „родом чювашенин, а крѣости у них на того Кирюшку никакие нѣт да у них же живет в закладе в четырнадцати рублях чювашенин самарского уѣзду Яндрееко Вырустаев“.

Очень любопытны указания переписной книги на происхождение некоторых посадских людей. В свое время Перетяткович указал, что состав населения Самары может отчасти указывать нам на посредственное значение города для верхового и низового Поволжья; среди посадского населения Самары попадаются иногда такие прозвища, как „Чебоксаренин“, „Казанец“ и „Черноярец“ (стр. 229). Не знаю, откуда взял Перетяткович последнее прозвище „Черноярец“, в переписных книгах я его не нашел. Зато там есть еще и другие прозвища. Больше всего указано—казанцев (3), затем следуют: чебоксаряне (2), лысковцы (2), переяславец (1), владимирец (1), царицынец (1), вятченин (1), торопченин (1), рязанец (1), нижегородец (1), вязниковец (1).

Всего в 15 дворах на 157 дворов посадские люди имеют прозвища, указывающие на происхождение их владельцев, количества столь незначительное, что не позволяет делать каких либо выводов о большой или малой подвижности населения, посредственном или непосредственном значении Самары для верхнего и нижнего Поволжья.

Интересны еще сведения о дворах духовенства, находящихся в Болдырской слободе. Здесь указаны дворы двух Троицких попов, Троицкого дьячка и пономаря. Здесь же были дворы двух Никольских попов, дьякона и пономаря. Таким образом

1) Стрельцы делились на сотни и таких сотен (может быть далеко не по 100 человек) на Самаре считалось до 4-х. Стрелецкая служба была тяжелая: служили они „в гребле (рабочими на веслах) и в провожатых подо всякии людьми“ по Волге, а также „ездили в Москву со всякими делами и отисками.“ Были „юртовые“ казаки, вышедшие с Яика (Урала), из тамошних угодьев—„юртов“ на житье в Самару. С 1675 г. среди служилых людей показываются какие-то „иноzemцы“. П. П.

2) Посадские люди служили при кабаке и при таможне и отвечали за доходы этих учреждений. Упоминается также „пропуск с Яика рыбного и икряного промыслу“, которым занимались некоторые самаряне. П. П.

подтверждается предание о древности Троицкой церкви и о том, что соборным храмом „была деревянная Троицкая церковь с пределом Николая Чудотворца“. Надо только думать, что первоначальная церковь Николая Чудотворца была отдельным храмом. Исследователи местом старинной Троицкой церкви определяют крутой берег р. Самарки между бывшими домами Журавлева и хлебными амбарами. Не здесь ли помещалась и Болдырская слобода.

В той же слободе упомянут конюшенный двор „Самарского Преображенского монастыря“, о существовании которого достоверно известно с 1631 года. Кроме того, там же были монастырские дворы Нижегородского Благовещенского монастыря и Московского Чудова монастыря³⁾.

М. Тихомиров.

Из материалов комиссии по изучению нацименьшеств ДРЕВНИЕ ОБРЯДЫ САМАРСКОЙ МОРДВЫ.

I. „Грань озкс“—Моление на грани.

«Грань озкс»—моление на грани—мордвой совершался ежегодно. В этом «моляне» участвовали только одни старухи. Делалось это моление обычно после Троицы, за несколько дней до Петрова поста. Молян посвящался Грань пазу и Грань аве—, богу грани и богине грани, и богу земли—Модань пазу, с богиней земли—Мода аве. На моляне молились и другим богам, от которых зависит, по верованиям языческой мордовы, урожайность хлебов. Силою моляна предполагалось вымолить и взять обратно на свои поля ушедших через грань в соседнее поле Модань паза—бога земли и Мода аву—богиню земли, с даруемым им плодородием. А ушли они в соседнее поле, прогневавшись на невнимание к ним со стороны владетелей их земли. По языческим возрениям мордовы, разгневанного, и ушедшего бога и богиню можно вернуть, для этого нужно совершить им молян и угощать их стряпней, вином, медовым квасом и др. напитками ежегодно, когда зазеленеют поля и от озимых и от яровых хлебов.

По языческим возрениям Грань паз—бог грани и Грань ава—богиня грани находились у грани и стерегли свои поля от злых духов, могущих перейти с соседних полей. А так-же оберегали Модань паза—бога полей (земли) и Модань аву—богиню поля (земли), чтобы последние не уходили за пределы своего поля и не лишали обладателей своего поля урожайности.

Почему этот молян совершался женщинами-старухами? Этот вопрос можно разрешить таким образом; молян этот имеет за собою доисторическое прошлое, он связан с эпохой матриархального быта, когда женщина, в силу своего положения, была прикована к оседлости, была главной хозяйственной и занималась земледелием, когда от урожая хлеба зависела судьба и жизнь мордовского племени. Нет ничего удивительного, что этот молян в последствии органически вошел в языческий культ языческой мордовы и совершался мордвой до конца почти XII века. Элементы этого моляна сохранились и до сего времени и органически влились в христианский культ, исповедуемый в настоящее время мордвой.

3) Самарскому Преображенскому монастырю как то посчастливилось получить обширную вотчину на другом берегу Волги с селами Рождественским и Ильинским под Лысою Горою (Подгорным). С 1648 г. монастырь с вотчинами передан был во владение патриарху и в его лице получил могущественного покровителя. Потом уже монастырю отведены были рыбные ловли по Самаре реке до реки Кинеля. Упоминается и женский Преображенский монастырь в Самаре. Возможно, что он находился в подчинении у мужского монастыря. В старину это бывало нередко. П. П.

Молян «Грань озкс» совершался следующим образом (мной записано, как он совершился 30 лет тому назад и насколько обряд уцелел в памяти рассказчицы). В условленный день старухи всего села делали приготовления к моляну: готовили разную стряпню, пекли лепешки, ситные пироги, варили брагу, пуре—медовый квас, покупали вина, резали поросенка, курицу, готовили говядину, пекли яйца и их красили. И вот, в условный день, все это сестное в приготовленном виде старухи накладывали в кузовочки, вешали себе на плечи и пешком отправлялись на грань, где совершался молян «Грань озкс» ежегодно. Придя к грани, на месте моляна старухи расставляли принесенные с собой кушанья в ряд и готовили молян. Зажигали «шатол»—самодельную священную восковую свечу, которая была приготовлена только для этого рода моляна (каждый род молянов имел свой шатол). Для чтения молитвы тут же выбиралась одна из старух, которая была в почете у всех и знала молитвы. Все вставали на колени лицом к востоку, старуха, выбранная читать молитву, тоже становилась на колени впереди всех.

Начинался молян. Выбранная старуха читала вслух молитву, все присутствующие про себя повторяли за ней читаемые слова, приклоняясь к земле, взывая к небу и глядя на соседнее поле, куда, по их мнению, ушли Мода паз—бог поля и Мода ава—богиня поля:

Пашанготъ, Пашанготъ,

Пашанготъ, Вере паз,

Модань паз, Модань ава,

Грань паз, грань ава,

Мекс минек сюронок ачачи?

Мейс нолдынк Модань мельтенек тов?

Мейс нолдынк Мода аванок тов?

Мейс нолдынк Модань пазонок тов?

Нать тенкъ ээть ванцтвот?

Нать тенкъ ээть кирдивть?

Эли мейсыяк минь нокордыдиз?

Эли мейсыяк минь досадидиз?

Грань паз, Грань ава

Тангак Вере паз,

Лездыда тенек саимс тосто,

Модань пазонок, Мода аванок,

Велявтомс мекив модань мелтенек.

По окончании этой молитвы старуха, читающая молитвы, держа в одной руке шатол, а в другой кузовок для бога Земли и богини Земли, а за нею и все прочие на коленях, пятясь назад, доходят до грани, переходят грань, отходят несколько саженей от грани в поле соседнего села (все время продолжая быть на коленях и пятиться). Когда все останавливаются в таком положение на соседнем поле, старуха начинает читать молитву:

Мода ава, Мода паз,

Мейс туиди эсиник мастердто?

После этих слов начинают пальцами ковырять землю и класть в кузовок, взятый с собою старухой, продолжая все стоять на коленях. Старуха после первых молитвенных слов продолжает читать молитву:

Мода, бояр-ава,

Мода, азор-ава,

Мода, бояр-атя,

Мода, азор-атя,

Сайдядыдз эесь модазонок,

Всевышний и великий бог, Всевышний
и великий бог,

Всевышний и великий бог, Верхний не-
небесный бог,

Бог земли, богиня земли,

Бог грани, богиня грани,

Почему у нас хлеб не рождается?

Почему вы отпустили из нашей земли
плодородие?

Почему отпустили богиню земли туда?

Почему отпустили бога земли туда?

Разве вы не сумели укараулить?

Разве вы не сумели задержать?

Или чем либо мы вас оскорбили?

Или чем либо мы вас раздосадовали?

Бог грани, богиня грани,

И ты, Верхний—небесный бог,

Помогите нам взять от туда обратно,

Наших бога Земли и богиню Земли,

Вернуть обратно к себе плодородие.

Богиня земли, бог земли,

Почему ушли из своих владений?...

Госпожа, богиня земли,

Хозяйка, богиня земли,

Господин, бог земли,

Хозяин, бог земли,

Возьмем вас на свою землю,

Сайдызы паронь тейми,
Сайдызы сюронь чачомга,
Народонь трямя.
Масторонь кирди, мастер ава,
Минь таштонтъ маро ознатанок,
А одосъ пезензе поладозо.
Ознатанок сюронь чачомга,
Поки олгос касомга, зеркнас пешкедемга,
Кувака и эчке колойс касомга.

После этой молитвы, когда кузовок наполнен землею, все наколенях с кузовком и с горящим штатолом в руках ползут через грань на свое поле к месту моляна. Здесь уже идут лицом к своему полю. Когда приходят к месту моляна, кузовок и штатол кладут на ранее приготовленное место. Все встают и начинают плясать, хлопать в ладоши, бегать, восторгаться, доходя до экстаза. В тоже время, все начинают выкрикивать первые слова предстоящего моляна: «Слав бог, слав бог, Мода авантъ саиник, Мода пазонть саник, сюро мельктентъ туиник»—Слава богу, Слава богу, богиню Земли взяли, бога Земли взяли, плодородие земле вернули. Все приходят в неописуемый экстаз. Когда этим восторженным экстазом старухи доведут себя до полу-изнеможения, то начинают продолжать свой молян. Часть принесенной земли зарывают в выкопаную ямку, а часть разбрасывают вокруг мольбища и приступают к угощению и угощают богов. На земле устраивают стол, покрывая землю белой скатертью, расставляя на ней все принесенное из сестного и питьевого. Все опять становятся на колени вокруг устроенного стола и старуха читает молитву:

Слав бог, слав бог,
Мода авантъ саиник,
Мода атянть саник,
Сюро мельктентъ туиник.
Паз максозо, эсиник мастерц,
Чачи сюро чачазо,
Ажияшкы улизы олгозо,
Вана те прякашкантъ,
Улизы колозозо.
Вана нете алтненъ эйшкы,
Улизы зерназо.
Наров паз, наров ава,
Идядо кежеяйтъ,
Вана симянок винадо ды брагадо,
Ярцатанок сюкордо ды лиядо,
Норов паз, норов ава,
Адядо тынъдяк симиidi, ярцадо мартонок.

После этих слов льют на землю вина и браги, тоже самое и на грани. Это приносится в жертву Норов пазу, Норов аве, Грань пазу, и Грань аве. Старуха причитывает дальше:

Масторонь кирди, мастер ава,

Тонгак вант виив вармадо,
Благой пизимиidi, цярахмандо

Приглашают ее (Мастор аву) пить и есть, читает дальше:

Варма ава, варма паз,
Улизы милостинк туртузонок,
Илядо кажеяйтъ лангозонок,
Илядо юта сюронок ланга.
Минь тыненк ознатанок,

Возьмем вас для совершения добра,
Возьмем вас для урожайности хлебов,
Для прокормления нашего народа.
Держательница всей земли, богиня земли,
Мы по старой вере молимся,
А новая пусть к ней примыкает.
Молимся за урожайность хлебов,
За ростимость в солому
За длинный и толстый колосок.

Слава богу, слава богу,
Богиню земли взяли,
Бога земли взяли,
Плодородие земли вернули.
Дай бог, на нашей замле,
Чтобы хлеба были урожайные,
С оглоблю в соломе,
Бот с этого пирога в колосе,
Бот с этих яиц в зерне.
Бог плодородный, богиня плодородна,
Бог грани, богиня грани,
Не сердитесь, не гневайтесь,
Бот пьем вино и браги,
Кушаем лепешки и другую стряпню,
Бог плодородия, богиня плодородия
Бог грани, богиня грани,
Идемте и вы с нами, пейте и еште.

Держательница всей земли, старшая богиня земли,
И ты храни от сильного ветра,
Нехорошего вредного дождя и града.

Богиня ветра, бог ветра,
Будьте милостивы для нас,
Не сердитесь, не гневайтесь на нас,
Не ходите по нашим хлебам.
Мы вам молимся,

Акэтанок эйсенк,
Тынь минек ванцтоманок
Илинк кадо.

Также берут браги, вина, пуре и льют брызгами против ветра Варма-пазу и Варма аве.

После совершения этих молитв все рассаживаются вокруг стола и начинается кормление. Когда скушают и выпьют все принесенное с собой, идут домой. До оконицы села все идут вместе, а с оконицы расходятся по домам.

Этот молян мной записан со слов гражданина Максимовны Кузнецовой, 55 л. неграмотная (она в детстве участвовала в приготовлениях на молян), в деревне Ново-Домосейкине, Секретарской вол. Бугурусланского у. Самарской губ. молян не совершают, по ее словам, вот уже около 30 лет.

II. „Ломанинь стака мор озск“—Тяжелое моление по случаю появления холеры или другой повальной болезни.

В этом моляне участвовали старики и старухи, вдовы и девицы. Замужние женщины, девицы и вдовы, имеющие половое сожительство или только заподозренные в нем, на этот молян не допускались. Да они и сами не шли. Не допускались к моляну также и те женщины и девицы, которые в жизни хоть раз были заподозрены в воровстве или краже, хотя бы такой маленькой вещи, как напр. морковь.

Моление «ломанинь стака мор озкс» делалось от мужской молодежи тайно, секретно, обычно в глухую полночь, а также и приготовления к нему велись тайно. При первых слухах о появлении в своей деревне или в окрестных деревнях моровой болезни, несколько старииков и старух устраивали совещание старейших, назначали время моляна и распределяли все приготовления. После чего приглашали сельского «прявта»—старосту и ему поручали секретно известить персонально старииков и старух о принятом решении и о месте и времени моляна.

В ночное время старики и старухи, когда молодежь уже укладывалась спать, собирались в ранее назначенном доме и готовили молян. Если кто увидит и услышит что либо об этом моляне, другим говорить не должен, иначе молян может не удастся: бог разгневается на деревню, и в первую очередь на рассказавшего, болезни тогда уже не остановить. Молитву читать выбиралась старуха. Все падали на колени и начинали молиться, повторяя за старухой читаемые ею слова, делая земные поклоны, взывая к небу, взирая и на «штатол» и вообще повторяя все те же жестикуляции, что делала старуха читавшая молитву. Зажигали «штатол» и изба окуривалась богословской травой—«цяпор тикшесэ». Молитва была следующая:

Пашаньготь паз, Вере паз,
Чи паз, Нишки паз,
Ванымизь стака ормадонть,
Саинк те орманить—
Тарванть Минек эйстэ:
Саик Никола паз
Орманть—тарванть эйстэнек.

Всевышний и великий бог, верхний-
небесный бог;
Бог дня и солнца, пчелиный бог,
Уберегите нас от тяжелой болезни,
Возьмите эту болезнь,
Это мучение от нас:
Никола бог возьми
Эту болезнь мученье от нас.

По окончанию этой молитвы старики и старухи в эту же ночь с места моляна идут на оконицу. Берут заранее приготовленную соху, чтобы опахать вокруг села борозду. К этому времени на оконице их ожидают заранее названные женщины вдовы, старухи, девицы и девченки. На этой оконице устраивают молян и делают приготовления к пропашке борозды: на концы обоих оглобель приделывают и зажигают «штатолы», в горшочке разжигают жар, кладут на жар богословскую траву и ладону и зажигают еще один «штатол». Когда все это готово, надевают хомут на

девченку лет 12—13, у которой еще не было менструации и которая могла быть лишь только на своих плечах нести хомут. Ее впрягают в соху. По обоим сторонам сохи за оглобли впрягаются еще по несколько женщин и старух, впереди сохи, с горнушкой—с горшком с горящими угольями, издающими запах от богословской травы и со «штатолом» в руках становится женщина.

За ручки сохи бралась одна из крепких женщин. Когда все это было готово, впереди стоящая со «штатолом» и горнушкой старушка трогалась с места и шла по оконице и вокруг села. За ней шли впряженные в соху и везли ее за собой, таким образом пропахивая борозду. Остальные женщины шли позади сохи, одна из них протягивала по борозде нитку. Нитка эта должна была обязательно быть спрядена девочкой, у которой еще не было менструации, нитка эта должна была быть сырой и называлась—«верик сури». В случае отсутствия такой нитки, брали другую называемую по мордовски «мекив ноты сури»—нитку, которая по своей толщине или неравности не вмещается в ткацкие бедра.

Процессия на каждом участке оконицы останавливалась и устраивала молян. Посредине оконице из протягиваемой нитки завязывался узелок и зарывался в борозду. По принятие мордовской христианства, процессия на каждой оконице делала сохой пропашной крест и узелок завязывался и зарывался уже в центре пропашного креста—«теильть сюлмо» сюда клали медный грош или копейку, как это делалось и до принятия христианства.

Когда борозду вокруг села проведут, процессия приходит к месту начала моляна. Здесь еще раз делается пропашной крест и еще раз устраивают молян. Все становятся на колени, старуха читает молитву:

Покщат, бабат, ванынк ней,

Покойнички, дедушки, бабушки, уберегите теперь,

Велинть душман ломаньди,
Апоро ормадо, холерадо, чумадо.
Нишки паз ванутымизъ:
Веси ломатнень, скотинатнень.
Ванцтомизъ несчастной пожардо,
Ванцтынк веси саразтнень, птицатнень.
Мастор ава, кормилицким,
Вана тенть гостиницть:
Вана тенть саразки,
Вана тенть сюкорнеть,
Вана боза бутылкини
Иля пенеца ламгозонок.
Больчи пишанок арась,
Больчи уж каванямы амейсы.
Мастор-ава, кормилицинек,
Ванцтыть, кемильдить весинь.

Село от душмана злого человека,
От нехорошей болезни: чумы, холеры.
Пчелиный бог, убереги нас:
Всех людей, весь скот.
Уберегите нас от несчастного пожара,
Уберегите наших кур и всю птицу.
Богиня земли, кормилица,
Бот вам гостицы:
Бот вам курочка,
Бот вам лепешки,
Бот бутылка квасу
Не сетуйте на нас.
Больше пищи у нас нет,
Больше уж угостить нечем.
Богиня земли, кормилица,
Убереги, сохрани-оздорови всех.

После этой молитвы, старуха, читающая молитву, обращается ко всем присутствующим, участникам моляна со следующими словами: «больчи уш озкомс амезьди, пащенготь мереди, ды адядо»—больше молиться не о чем, скажите пощангать ды, пойдемте по домам.

Курицу, квас, блины, яйца, лепешки, брагу и пр. съестные припасы оставляют на оконице, где начинали и заканчивали молян, в жертву богам. Причем, для богов оставлялись и деньги, по несколько копеек, примерно до 20—15 коп. По окончании моления соху, хомут и прочее относят на прежние места и моленная процессия отправляется на общественный погост. На общественном погосте тоже устраивался молян. Молян устраивается на могиле почившего погоста, обычно имя которого передается из поколения в поколение. Все также становятся на колени и старуха начинает причитывать молитву (молитва обращена к покойникам, предкам).

Покшат, бабат,
Раман атя, калмонь ушудышя,
Эньялтанок икилинк,
Улист ини-пару чандинк,
Арциди тенек парыни,
Ознодо пазнень кисенек,
Штобу пазось ванцтовлимизь
Те стакадунть—сталмудонть:
Ванымизь холерадо, чумадо,
Сибирской язвадо,
Притворной ормадо,
Несчастной пожардо,
Несчастной куломадо.

Покойники, дедушки, бабушки,
Старик Роман, основатель погоста,
Просим, молимся перед вами,
Будьте к нам с хорошими намерениями,
Желайте нам хорошего,
Молитесь богу за нас.
Чтобы бог нас уберег
От этой тяжелой тяжести,
Уберегите нас от холеры и чумы,
От сибирской язвы,
От дурной нехорошой болезни,
Несчастного пожара,
Несчастной смерти.

По окончанию моления на погосте, все расходятся по домам. По представлениям языческой мордовы носительница моровой болезни, имеет человекообразный вид «руз авы»—русской женщины, по внешности очень страшной и некрасивой. Рассказывали, что многие во время моровых болезней ее видывали. После того как уже пропахана борозда, протянутая с узелками нитка и соблюдены все другие церемонии, носительница моровой болезни «руз ава», пройти через эти заграждения не может.

В с. Секретарке Бугуруслан. у., где записан этот молян в феврале 1927 г., он совершился еще и при наличии в селение церкви и штатного священника, примерно лет до 7—8 после открытия прихода. Только значить после 7—8 летней работы священнику удалось запретить совершение этого моляна. Таким образом он не совершается уже около 40—50 лет.

Местами этот молян совершался и в более поздние времена.

И. С. Поздяев.

Из работ по изучению млекопитающих степей Юго-Востока Самарской губернии.

1. Бузулунский уезд.

Занимаясь изучением животных в окрестностях Бузулукской с. х. опытной станции и имея возможность, при посредстве ее, предпринимать ежегодно поездки для наблюдения и сборов по южной части уезда, я считаю интересным частично уже опубликовать полученный мною материал по фауне млекопитающих и распространению их в районе, так как имеющаяся литература далека от полноты и не исчерпывает еще вопроса в целом.

Не давая в настоящей статье общего физико-географического описания местности, что интересующиеся могут найти в специальных работах, упомяну только, что природа уезда слагается из трех ландшафтов: степи, «балочных лесов» и леса, с типичными стациями, понимая под этим совокупность физико-географических условий, по которым я и распределяю животных. В них, кроме того, я выделяю «суб-стации», которые по сходству животных представителей не могут считаться отдельными стациями, но в то же время отличны по растительности и по физическому строению почвы. Общие биолого-экологические данные я пока не привожу, так как они являются особой темой. Описания коллекций я тоже не считаю возможным опубликовывать, ввиду продолжения еще сборов.

Резко выделяющимися являются следующие станции:

I. Степь—ровное плато и сырты, часто пересеченные сухими оврагами:

- а) Злаковая растительность, задернованные почвы (целины); широкое распространение на юго-востоке. б) Не обрабатываемые в течении нескольких лет земли—разнотравие (и посевные) залежи. с) Обрабатываемые угодья со всеми видами культур и пары.

II. Луга—расположены по течению рек Самарки и Бузулука, а также мелких, высыхающих летом, речек: а) первые поевые террасы, б) вторые террасы и солончаковые мочежины (северные степи) в середине района; те и другие с кустарниками.

III. Лес—а) чернолесье (разнолесье) по берегам рек Самарки и Бузулука (низовья) и б) Низкорослые степные колки (балочные лески) из дуба, березы, осины и цветущих кустарников (таволги и др.).

IV. Водные бассейны—представлены в районе, кроме упомянутых выше двух рек, Самарки и Бузулука, рядом небольших рек, озера и болот и трех крупных озер—Лебяжье, Бабье и Лабаз.

V. Обрывы—рек и оврагов, поросшие кустарником и высокой травой.

VI. Цески—наносы от половодья, расположены по берегам некоторых рек и в их поймах. В северо-западном углу района и его середине встречаются небольшие пятна не наносного происхождения (не сыпучи). Покрыты слабой растительностью (преимущественно *Petasites*).

VII. Обнаженные вершины гор—небольшие выходы известняковых и меловых пород, не покрытые растительностью.

VIII. Солончаковые пятна—встречаются повсеместно с северо-запада на юг района, увеличиваясь в этом направлении в размерах.

IX. Усадьба человека—жилые постройки, дворы, гумна, канавы.

Перейдем теперь к описанию распространения млекопитающих по стациям.

I. Степь. Наиболее характерными животными здесь являются два вида сусликов: рыжеватый—*Citellus rufescens* Keys. et Blas. и северный (местное—«свистун»)—*Citellus pygmaeus septentrionales* Obol. Первого можно встретить в большом количестве во всей степи по всей местности, особенно же в волостях, прилегающих к р. Самарке. По мере перехода почв в целинные и суглинистые с щебенистой подпочвой и рельефа в холмистый, начинает преобладать свистун. Как тот, так и другой суслики селятся часто по вершинам оврагов.

На юге уезда, среди его холмов, на солонцовато-глинистых почвах с кустовой ковыльной растительностью (п. Землероб, Андреевской вол.), имеется одна колония сурков—*Marmota bobak* Mull. с колеблющимся числом жилых сурчин. Здесь же в небольшом количестве живет мышевка—*Sicista nordmanni* Keys et Blas., а также лесная мышь (!)—*Sylvaemus sylvaticus mosquensis* Ogn. Частично в открытой степи, главным же образом на полях и бахчах (супеси на солнечных склонах), следующим по численности будет земляной заяц (тушканчик)—*Alactaga saliens* Gmel. Вредит особенно всходам пропашных и бахчам. Норы устраивает не глубоко, иногда даже проваливающиеся при наступании. Распространение тушканчика по району равномерное, по годам—тоже. Приблизительно одинаково везде встречается пеструшка степная—*Lagurus lagurus* Pall. Количество они крайне не постоянны. Так, в годы 1925 и 1926 их почти не было, в то время как в 1918-19-22-23 г. г. и с осени 1926 г. они сильно размножались и, как мне пришлось наблюдать на одной залежи с. Елховки, их норы представляют едва ли не сплошную сеть. Этого нельзя сказать о полевке обыкновенной—*Microtus arvalis rossiae*—*meridianalis* Ognev, которая, как и полевая мышь—*Apodemus agrarius* Pall., вообще не многочисленны. Среди озимых и яровых посевов более или менее часто встречается мышь малютка—*Micromys minutus* Pall.

Парнозубые представлены пищухой—*Ochotona pusilla* Pall., заходящей севернее р. Бузулук километров на 15 в среднем течении, занимая главным образом

солонцовье почвы с ковылями и полынью, и зайцем русаком—*Lepus europeus tecquorum* (?) Og. n., обитающим повсеместно, а в близи от Самарки еще—рассой «тумаком».

Иногда в большом количестве встречается хомяк (карбыш)—*cricetus cricetus latycranis* Ognev. Среди зерновых хлебов и проса роет он широкие, отличные иногда по существу выкинутой земли, всегда заложенному входу норы, которых бывает 3—4. К его характеристике нужно добавить о большой его плодовитости, доходящей до 14 и, даже, до 19 (!) штук. Хотя хомяк и не любит рыть, но среди твердых южных почв он встречается чаще. Хомяки, как я наблюдал в неволе, охотно едят кукурузу. Это отмечено и в естественных условиях (Бихнер), поэтому возможно, что развитие посевов ее будет способствовать их размножению. Более редко попадается интересная форма хомяка—*Mesocricetus microdon* Od. n. Спарадически попадается здесь хомячек темноцветный—*Cricetulus migratorius* Pall. Наблюдал я его зимой 1919—20 г. (3 шт.) и единичные экземпляры летом 1923, 24 и 25 г.; осенью 25 г. и весной 26 г. они ловились изредка кошкой. Повсеместно распространен степной хорек—*Putorius eversmanni eversmanni* Lasson., предпочитающий для своих нор солончаковые склоны холмов на суглинках, но может быть встречен в близи сусликовых поселений во всякой обстановке.

Лиса—*Vulpes vulpes diluta* Ognev и волк—*Canis lupus subspecies?* также населяют степь. В местностях, граничных с Казахстаном ежегодно зимой добывают по несколько штук корсаков—*Vulpes corsac* L. В таких же местах попадаются очень редко барсуки—*Males aff. arenarius* Satun. На мягких землях можно бывать найти ежей—*Hemichinus auritus* Gmel., роющих широкие, неглубокие норы, характерные присутствием глубокой дороги по выкинутой куче земли. Встречаются они не часло и в одиночку.

II. Луга: а) Характерных млекопитающих для этой стации нет. Забегает суслик рыжеватый, встречается полевая и лесная мышь (редко) и в пойме р. Самарки есть повидимому кроты—*Talpa europaea* L., по крайней мере я видел характерные кротовины на луговом участке опытной станции, хотя случаев добычи мне не известно. б) На ряду с сусликом, полевой мышью и пеструшкой здесь живет слепушенка—*Ellobius talpinus* Pall. Ее характерные выносы земли встречаются на выгоне г. Бузулука, в волостях Погроменской, Сорочинской и Барабановской (Иртекские вершины), на глинисто-меловой подпочве Ст. Белогорки и солончаках в окрестностях п. Землероб.

III. Лес. На Самарке в лесу живет заяц-беляк—*Lepus timidus* L., везде можно встретить мышь лесную, ежа, хорька и по р. Самарке же—горностая—*Arctogale erminea aestiva* кегг. В колках Бақлановской и Багдановской волостей есть куницы-белодушки—*Mustela foina* Erxl.

IV. Водные бассейны. В камышах и других водянистых пророслях берегов живет мышь малютка и водяная крыса—*Arvicola amphibius meridionalis* Ognev и в окрестностях того же п. Землероб крайне редко встречается норка—*Lutreola lutreola* L.

V. Обрывы оврагов. В этой стации, наиболее дикой в степи, селятся волки и лисы, делая на дне их свои логова; здесь же роют норы и барсуки. По вершинам оврагов селятся обитатели открытой степи (суслики, мышеподобные и др.).

VI. Пески. Населены только зверками смежных стаций.

VII. Обнаженные вершины гор.—Холмы серо-белого мела у Ст. Белогорки, песчаники и гривы между Н. Георгиевской и Курташкиным. На первых нет ни какой растительности, на вторых—слабая травянистая и норы пеструшек.

VIII. Солонцовье пятна. В окрестностях с. Богдановки на площади с радиусом около $\frac{3}{4}$ км имеется несколько «городков» обоих видов сусликов, протоправших тропы к прилегающим посевам, а также норы пеструшек.

IX. Усадьба человека. По мере увеличения поселений, изменяющиеся природные условия, оттесняя или истребляя некоторые виды, создает новую обстановку, более подходящую для других.

Здесь обычны мыши домовые—*Mus musculus* subsp?²*) серые крысы—*Ratus norvegicus* L. (не повсеместно). В зимнее время встречается в большом количестве полевка обыкновенная, пеструшка; на гумнах бывают хомяки мелкоузубые—*Mesocricetus microdon* Ognev., обыкновенные—*Cricetus cricetus*, темноцветные—*Cricetulus migratorius* (раз я видел двух даже на двойном потолке метеорологической будки оп. станции). Из хищников здесь обитают ласки—*Arctogale nivalis nivalis* L., горностаи, хорьки и, как рассказывают крестьяне, в южных селах близь колоков, заходят белодушки. На низких местах в постройках есть летучие мыши, (вероятно две формы). Насекомоядные представлены ежом и землеройкой—*Sorex aganeus aganeus* L.

В результате моих исследований, безсомнения далеко еще не полных, можно считать обитающими в рассмотренном районе 32 формы, из коих 7—8 не были отмечены для него раньше и 1—2 остаются под сомнением.

Заканчивая остается пожелать, чтобы заинтересованные организации разширили статью программу работ по обследованию позвоночных в целом, так как старые исследования, вообще говоря, не полны для района, устарели, а за последнее время новых не производилось.

Обработка материала (шкурки и черепа) производилась в Томском Гос. Университете, в лаборатории проф. В. А. Хахлова, сомнительные определения проверены в Зоологическом Музее Академии Наук с любезного разрешения Директора А. А. Белыницкого-Бируля при содействии С. И. Оболенского и М. Б. Серебренникова, особенно ценные указания по родам *Sorox* и *Mesocricetus*, а также другим грызунам даны проф. С. И. Огневым.

Всем перечисленным лицам и Самарскому О-ву А. И. Э и Е., давшему мне возможность напечатать данную работу, считаю приятным долгом принести глубокую благодарность.

Использованная литература: Определители:

1. Б. С. Виноградов Грызуны европейской части СССР.
2. К. А. Сатунин Млекопитающие Российской Империи».
3. Н. Ф. Кашенко Определитель млекопитающих животных Томского Края.
4. А. А. Силантьев Вредная деятельность зайцев, водяных крыс и мышей.

Общефаунистическая литература:

- * 1. Двигубский И., Опыт естественной истории всех животных Российской Империи, ч. 1. Млекопитающие. Москва, 1829 г.
- 2. Эверсман Э. Естественная история Оренбургского Края ч. 2 Млекопитающие. Казань, 1850 г.
- * 3. Симашко Ю. Русская фауна, ч. II. Млекопитающие. СПБ, 1851 г.
- * 4. Богданов М. Н. Птицы и звери черноземной полосы Поволжья и долины средней и нижней Волги. Казань, 1871 г.
- 5. Силантьев А. А. Fauna Padov. СПБ, 1897 г.
- * 6. Зарудный Н. Заметки по фауне млекопитающих Оренбургского края. Москва, 1897 г.
- * 7. Кашенко Н. Ф. Обзор млекопитающих Западной Сибири и Туркестана, вып. 1. Томск, 1905 г.

*) Кроме мышей, обитающих в жилых строениях, близких к типичному подвиду у меня есть два экземпляра с южной границы и из лугов р. Самарки, сходных по признакам с *M. m. hortulanus* Nordm. (южная мышь имеет также признаки *M. m. funereus* Ogн.).

8. Огнев С. И. Fauna Mosquensis т. 1 Млекопитающие, ч. 1-я, 1913 г.
9. Мартино В. и Е. Материалы по систематике и географ. распростран. млекопитающих Киргизской степи. Петроград, 1916—23 г.г.
10. Сатунин К. А. Млекопитающие Кавказского края, т. II, Тифлис, 1920 г.
11. Молчанов А. А. Природа и хозяйство России, вып. 1. Животный мир, Москва, 1923 г.
12. Огнев С. И Грызуны Северного Кавказа, Ростов на Дону, 1924 г.
- * 13. Огнев С. И. Млекопитающие Самарской губ. и Уральской области, Москва, 1925 г.
- * 14. Серебренников М. К., Рукописный отчет Самгубстазре об обследовании грызунов в Бузулукском уезде, Самарской губернии (12 форм).
- * 15. Серебренников М. К. Материалы по экологии и систематике грызунов Самарской губернии, Ленинград, 1926 г.
16. Спрыгин И. И. Исчезновение двух степных грызунов, сурка и слепца, в Пензенской губернии, 1926 г.
- * 17. Obolenskij S Apreliminari review of the paleartic sousliks (citellus and Spermophilopsis). Ленинград, 1927 г.
18. Материалы к познанию фауны Нижнего Поволжья. Саратов, 1927 г.

Отмеченные * труды содержат ссылки на наш район.

В. С. Бажанов.

Бузулуская с.-х. Оп. станция
1928 г.

Таблица распространения мелкопитающих по стациям, частота встречаемости, отношение к зоогеографическим областям и пр. *) .

		С Т А Ц И И.										Примечание.		
		I.			II.			III.			IV.			
		a	b.	c	a.	b.	a.	b.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.	
1	Крот. <i>Talpa europea</i> . . .				+							ор	шр.	
2	Землеройка. <i>Sorex ar. araneus</i> . . .								+??			р	шр.	
3	Еж. <i>Hemichinus auritus</i> . . .	+	+	+				+				о	ст.	
4	Волы. <i>Canis lupus</i> subsp?	×	×	+	+	+	+	+	-	-	-	во	шр с.е.р	
5	Лиса. <i>Vulpes v. diluta</i> . . .	×	×	+	+	+	+	+	-	-	-	во	ст.	
6	Корсак <i>Vulpes corsac</i> . . .	+	+						+	+		др	ю	
7	Барсук. <i>Meles arenarius</i> . . .	+							+			р	н	
8	Куница белодуш. <i>Mustela foina</i> . . .							+				др	н	
9	Горностай. <i>Arctogale erminea</i> <i>aestiva</i>							+				до	шр	
10	Ласка. <i>Arctogale nivalis</i> <i>nivalis</i>			p				+				п		
11	Норка. <i>Lutreola lutreola</i> . . .	p	p					v	+			о	шр	
12	Хорек степной. <i>Putorius eversmanni</i> <i>eversmanni</i> . . .	+	+	+	+	+	+	+?				ор	н	
13	Пищуха. <i>Ochotona pusilla</i> . . .	+	+			+		+				ст		
14	Заяц русак <i>Lepus europeus</i> <i>tesquorum</i> (?) Ogn.	+	+	+	+	+	+	p				р	н	
15	Заяц беляк. <i>Lepus timidus</i> . . .	+	+	+	+	+	+	+?				во	ст	
16	Мышевка <i>Sicista noramanni</i> . . .	+	+	?								др	сг.	
17	Заяц земляной тушканчик <i>Alactaga saliens</i> . . .	+	+	+	+	+	+					о	ст.	

*) условные обозначения см. стр. 25.

	С Т А Ц И И.										Примечание.									
	I.			II.		III.		IV.		V.		VI.		VII.		VIII.		IX.		
	a.	b.	c.	a.	b.	a.	b.													
18	Хомяк, карбыш. <i>Cricetus c. latycranius</i>	+	+	+	+	+	+		+?					+	во сп		ол. ю м			
19	Хомячек темно-цветный. <i>Cricetus migratorius</i>	+?	+	+			+?							+	др	н	ст			
20	Хомяк мелнозубый. <i>Mesocricetus micromodon</i>	+?	+	+		+?								+	р	н	ст			
21	Полевка обыкновенная. <i>Microtus arvalis rosae meridianalis</i>	+	+			+		+			+?	+?	+	+?	до		ст м			
22	Крыса водяная. <i>Arvicola amphibius meridianalis</i> . . .				+?				+						во		шр м			
23	Слепушенка. <i>Elobius talpinus</i> . .	+	+			+		+							до		ю			
24	Петрушка степн. <i>Lagurus lagurus</i> . .	+	+	+	+?	+?		+		+?	+	+	+	+	во		ст			
25	Мышь домовая. <i>Mus musculus subsp?</i>													+	во		шр			
26	Мышь малютка. <i>Micromys minutus</i> . .			+	+	+	+		+		+?				р		шр			
27	Мышь полевая. <i>Apodemus agrarius</i> . .	+	+	+	○	+	+	+?		+?				+	оп		шр			
28	Мышь лесная. <i>Sylvaemus silvaticus mosquensis</i> . .	+		+	+	+	+	+						+	оп	н ст.	ол			
29	Крыса серая. <i>Ratus norvegicus</i> . .													+	др		шр			
30	Суслик рыжеватый. <i>Citellus rufescens</i> . .	P	+	+	+	P	+			+			+	+	во		в ст. ю в ет			
31	Суслик северн., свистун. <i>Citellus pygmaeus septentrionales</i>	+	+														ю			
	<i>Citellus pugmeus subsp?</i>																м			
32	Сурик. <i>Marmota bobac</i> . .	+													ю	н	т			
															оп					

Во время печатанья работы получились дополнительные сведения о колонии летучих мышей на луговом участке Бузулукской опытной станции, принадлежащих к виду *Nyctolus—noctula Scherer*.

Примечание В. Б.

Условное обозначение к таблице.

+	присутствие.	шр	широко распространен.
✗	разможение (логовища).	ст	степь.
—	проходные стации.	СЕР	Средняя Европейская Россия.
?	нахождение возможно.	Ю	Южный.
ор	очень редко.	тг	тайга.
др	довольно редко.	ол	островные леса.
р	редко.	М	описан из местного края.
до	довольно обыкновенно.	В	Восток.
о	обыкновенно.	ср	средина района.
во	весъма обыкновенно.	н	новый для района вид.
сп	спорадически (во времени).		

В. В. Бажанов.

К вопросу об иммиграции лесных элементов и искусственные лесонасаждения.

26 августа 1927 года мне пришлось быть по одному делу в хут. Кошкином, Дубово-Уметской вол., Самарского у. Это небольшой выселок из Дубового Умета, расположился между двумя лесокультурными полосами. До ближайшей 5-й полосы (Самарского лесничества) всего около 600 метров.

Среди поселка овраг, где, благодаря запруде, держится вода. Сейчас же за запрудой, по оврагу, небольшой естественный осиновый колок: там по дну оврага протекает ручей. По обе стороны хутора, между лесокультурными полосами— поля: среди посевов— кормовые травы. Почвы— обычновенный чернозем. Мне показалось интересным посмотреть— как отразилось соседство естественного, осинового колка на растительности лесокультурных полос. Поэтому, пользуясь некоторыми свободными часами, я осмотрел ближайшую часть 5-й полосы, осиновый колок, а также растительность между полосою и хутором.

Запись встреченных видов сведена в прилагаемой таблице, где, по трем графикам, знаком ✗ отмечается наличие данного растения 1) на сырту, 2) в лесокультурной полосе и 3) в осиннике.

Несколько слов о 5-й лесокультурной полосе. По словам хуторян она заложена была около 1895 года, следовательно возраст ее был выше 30 лет. Полоса эта около 6 верст длиною, 300 сажень в ширину, она разбита дорожками на участки в 240 саж. длиною и 50 саж. шириной. Посадки состоят из дуба, ясеня (прекрасно растущего), клена, березы, береста, вяза и ильма. Бросается в глаза значительный самосев: повидимому деревья хорошо плодоносят. Посадки производят хорошее впечатление своим здоровым видом и по большей части имеют характер вполне сомкнутого лесного участка.

Однако при рассмотрении прилагаемой таблицы бросается в глаза почти полное отсутствие лесной травянистой растительности под пологом этого сомкнутого лесонасаждения: из характерных лесных растений можно разве назвать лишь фиалку

(*Viola hirta*), найденную в весьма угнетенном состоянии в единственном экземпляре, да золотарник (*Solidago Virga aurea*) в количестве 5-6 розеток, что касается клевера (*Trifolium medium*), воробейника (*Lithospermum officinale*) и ястребиника (*Hieracium umbellatum*)—эти растения нельзя считать особенно «верными» лесному сообщству, в особенности первые два.

Списки, сведенные в таблицу, не могут, конечно, претендовать на полноту, но и они вполне определенно указывают на наличие каких-то причин, препятствующих заселению искусственного лесонасаждения лесными формами. Едва ли, однако, к числу таких причин можно отнести незанос семян лесных растений: 600 метров слишком небольшое расстояние для этого. Впрочем и этого категорически утверждать нельзя. Было бы очень интересно произвести наблюдения в таких полосах, которые непосредственно стыкаются с естественными колками.

Или даже произвести искусственный занос лесных форм в экологически ответственные участки лесокультурных полос. И в том, и другом случае вопрос незаноса отпадал бы. Расселение лесных растений в таких полосах указало бы на наличие у лесного культурного насаждения известной тенденции закрепиться на занятых местах, указало бы на далеко ушедшний вперед процесс «олесения» территории лесокультурной полосы.

Как далеко может пойти это «олесение», отчасти зависит от докультурного прошлого всего района, занятого искусственными лесными посадками. Если в прошлом это, действительно, был район безлесный, степной, и лес мог сохраняться лишь по оврагам и долинам рек—будущность лесокультурных полос может быть совсем иной, чем в случае, если этот район былкогда-то покрыт сплошными лесами. Что касается района Дубового-Умета, то нам известен следующий факт, что уже на глазах ныне живущих исчезали остатки плакорных дубовых лесов близь Дубового-Умета. Зятые когда то ими места были показаны пишущему эти строчки: никаких следов бывшего совсем еще недавно здесь леса заметить было не возможно (я не говорю о почве, которую исследовать не мог). Пусть даже это будут леса новообразовавшиеся, заселившие когда-то бывшую здесь степь, все же сам по себе этот факт (плакорные леса) позволяет оптимически смотреть на будущность лесокультурных полос Дубовской дачи. И, несомненно, что иммиграция лесной травянистой (да и не только травянистой) растительности под полог искусственных насаждений этой дачи в свое время должна начаться. А может быть уже и началась.. Этот вопрос, а также вопрос о причинах препятствовавших иммиграции в нашем конкретном случае, можно было бы осветить лишь более детальным и более широким исследованием. Наш же кратковременный заход в одну из таких лесокультурных полос позволил нам лишь сделать наметку одного вопроса, к разрешению которого подойдут будущие исследователи,—это соответствие степени иммиграции лесных форм со степенью экологического освоения искусственными лесонасаждениями занятой ими территории.

А. Ф. Терехов.

Самара, 1928 г.

№№ по порядку.

Название растений, отмеченных близ х. Кошкина,

Дубово-Уметской вол., Самарского уезда.

		Сырт (посевы, залежь, у дорог, у жилищ.)	Лесокультурная полоса.	Естественный осиновый овраж- ный колок.
1	<i>Setaria viridis</i> (L) PB—просянка	×		
2	<i>Hierochloa odorata</i> (L) Wahl—чаполоть	××		
3	<i>Avena fatua</i> *)—овсюг	×		
4	<i>Agropyrum repens</i> (L) PB.—пырей	×		
5	<i>Agropyrum ramosum</i> (Tr.) Richt—острец	×		
6	<i>Urtica dioica</i> —крапива	×		
7	<i>Cannabis ruderalis</i> Janisch—конопля	×		
8	<i>Polygonum Convolvulus</i> —вьющаяся гречиха	×		
9	<i>Polygonum aviculare</i> —придорожник.	×		
10	<i>Polygonum patulum</i> MB—придорожник	×		
11	<i>Chenopodium album</i>	×		
12	<i>Atriplex nitens</i> Schk.	×		
13	<i>Atriplex tataricum</i>	Лебеды.	×	
14	<i>Atriplex oblongifolium</i> WK	×		
15	<i>Atriplex patulum</i>	×		
16	<i>Axyris amaranthoides</i> —толкунок	—		
17	<i>Bassia sedoides</i> (Pall.) Asch.—серик	—		
18	<i>Salsola collina</i> Pall.—катун	—		
19	<i>Salsola tamariscina</i> Pall.—катун	—		
20	<i>Ceratocarpus arenarius</i> —катунок	—		
21	<i>Amarantus retroflexus</i> —подсекольник	—		
22	<i>Melandryum album</i> (Mill) Grk—зорька	—		
23	<i>Delphinium Consolida</i> —рогатые васильки	—		
24	<i>Sisymbrium Loeselii</i> —сурепка	—		
25	<i>Erysimum hieracioides</i> s. l.—желтушник	—		
26	<i>Camelina microcarpa</i> Andrz—рыжик.	—		
27	<i>Berteroa incana</i> (L) DC—икотник	—		
28	<i>Potentilla argentea</i> —лапчатка	—		
29	<i>Melilotus albus</i> Desr—донник	—		
30	<i>Melilotus officinalis</i> Desr—донник	—		
31	<i>Medicago falcata</i> —бедунец	—		
32	<i>Medicago Willdenowii</i> (Boenn. pro var.)—медунка	—		
33	<i>Vicia Cracca</i> —мышиный горошек	—		
34	<i>Euphorbia virgata</i> W. K.—Молочайник	—		
35	<i>Malva rotundifolia</i> —просвирняк	—		
36	<i>Lavatera thuringiaca</i> —диная мальва	—		
37	<i>Falcaria Rivini Host</i> —резак.	—		
38	<i>Libanotis sibirica</i> C. A. M.—порезник	—		
39	<i>Convolvulus arvensis</i> —березка	—		

*) Там, где, после названия, автор не указан,—читай Linné.

№№ по порядку.	Название растений, отмеченных близ х. Кошнина, Дубово-Уметской вол., Самарского уезда.			
		Сырт (посевы, залежь, у дорог, у жилищ).	Лесокультурная полоса.	Естественный осиновый овраж- ный колок.
40	<i>Lappula echinata</i> Gil—липучка			
41	<i>Cynoglossum officinale</i> —чернокорень			
42	<i>Dracocephalum thymiflorum</i> —заячий чай			
43	<i>Leonurus glaucescens</i> Bge—пустырник			
44	<i>Leonurus Marrubiastrum</i> —глухая крапива			
45	<i>Galeopsis Ladauum</i> —шикульник			
46	<i>Glechoma hederacea</i> —будра			
47	<i>Hyoscyamus niger</i> —белена			
48	<i>Solanum nigrum</i> —поздника			
49	<i>Verbascum orientale</i> MB.—коровяк			
50	<i>Verbascum Lychnitis</i> —коровяк			
51	<i>Linaria Biebersteinii</i> Bess.—левиний зев			
52	<i>Odontites serotina</i> (Lam) Rchb.—зубянка			
53	<i>Erigeron canadensis</i> —пушки			
54	<i>Erigeron acer</i> —пушки			
55	<i>Achillea nobilis</i> —кашка			
56	<i>Achillea Millefolium</i> —кашка.			
57	<i>Anthemis tinctoria</i> —пупавка			
58	<i>Inula britannica</i> —девясила			
59	<i>Matricaria inodora</i> —ромашка			
60	<i>Chrysanthemum vulgare</i> (L) Bernh.—пижм			
61	<i>Xanthium Strumarium</i> —дурнишник			
62	<i>Artemisia vulgaris</i> —полынь			
63	<i>Artemisia Absinthium</i> *—полынь			
64	<i>Arctium tomentosum</i> (Lmk) Schr—репей			
65	<i>Carduus nutans</i> —чертополох.			
66	<i>Cirsium arvense</i> (L) Scop.—осот			
67	<i>Cirsium serrulatum</i> MB—татарник			
68	<i>Centaurea maculosa</i> Lam.—шишкарник			
69	<i>Centaurea Scabiosa</i> —шишкарник			
70	<i>Cichorium Intybus</i> —цикорий			
71	<i>Picris hieracioides</i> —горчак			
72	<i>Tragopogon major</i> Jacq—козлобородник			
73	<i>Lactuca Scariola</i> —столбунец.			
74	<i>Mulgedium tataricum</i> (L) DC—синий молочай			
75	<i>Sonchus asper</i> (L) Hill—желтый молочай			
76	<i>Crepis tectorum</i> —скерда			
		70	24	23

*) По дороге в Дубовый Умет, в 10—12 верстах к ЮВ от Самары, близ Красноглинской лесной дачи, на песках, меня поразило массовое распространение сибирской полыни—*Artemisia Sieversiana* Willd. Эта полынь дов. обычнов. по полотну Самаро-Злат. ж. д. и имеет там характер занесенного растения. Является ли занесенной полынь с Красной Глинки—сказать трудно.

№№ по порядку.

Название растений, отмеченных близ х. Кошина,

Дубово-Уметской вол., Самарского уезда.

		Сырт (посевы, залежь, у дорог, у жилищ).	Лесокультурная полоса.	Естественный осиновый овражный колок.
1	<i>Stipa capillata</i> —ковыль			
2	<i>Festuca sulcata</i> Hack*)—типчак			
3	<i>Poa angustifolia</i> —мятлик			
4	<i>Thesium ramosum</i> Haage—ленолистник			
5	<i>Anemone patens</i> —сон.			
6	<i>Spiraea crenifolia</i> C. A. M.—таволга			
7	<i>Filipendula hexapetala</i> Gibib—земляные орешки			
8	<i>Potentilla opaca</i> (P. o—formis T. W.)—лапчатка			
9	<i>Prunus fruticosa</i> Pall—вишонник			
10	<i>Amygdalus nana</i> —бобовник			
11	<i>Cytisus ruthenicus</i> (Fisch) Wol.—лыко			
12	<i>Salvia nemorosa</i> —холодок			
13	<i>Stachys recta</i> —чистец			
14	<i>Veronica prostrata</i> —вероника			
15	<i>Plantago Urvilleana</i> Rap (pro var.)—подорожник			
16	<i>Campanula sibirica</i> —колокольчик			
17	<i>Scabiosa ochroleuca</i> —скабиоза			
18	<i>Aster discoideus</i> Lallemand (pr. v.)—солонечник			
19	<i>Artemisia austriaca</i> Jacq—полынок			
20	<i>Artemisia campestris</i> —полынь			
21	<i>Achillea setacea</i> WK.—кашка			
22	<i>Taraxacum laevigatum</i> (Willd) DC—одуванчик			
23	<i>Taraxacum serotinum</i> (WK) Poir—одуванчик			
		16	14	3

III. Лесные и опушечные растения.

1	<i>Melica altissima</i> —перловник			
2	<i>Poa nemoralis</i> —мятник лесной			
3	<i>Carex (nutans</i> Host?)—осока			
4	<i>Convallaria majalis</i> —ландыш			
5	<i>Populus tremula</i> —осина			
6	<i>Salix Caprea</i> —козья ива			
7	<i>Betula verrucosa</i> Ehrh—береза			
8	<i>Polygonum dumetorum</i> —вьющ. горец			
9	<i>Lychnis chalcedonica</i> —татарское мыло			
10	<i>Fragaria viridis</i> Duch.—клубника			
11	<i>Rubus saxatilis</i> —костяника			
12	<i>Rosa cinnamomea</i> —шиповник			

*) Главн. образ. сизая форма—Var. *vallesiaca* Koch.

№ № по порядку.	Название растений, отмеченных близ х. Кошкина, Дубово Уметской вол., Самарского уезда.			
		Сырг (посевы, залежь, у дорог, у жилищ).	Лесокультурная полоса.	Естественный основой овраж- ный колок.
13	Geum urbanum—гравилат	—	—	—
14	Agrimonia Eupatoria—репейник	—	—	—
15	Trifolium medium—клевер средний	—	—	—
16	Vicia tenuifolia Roth—мышиный горошек	—	—	—
17	Vicia Sepium—вика	—	—	—
18	Euphorbia procera M.B.—молочайник	—	—	—
19	Acer tataricum—неклен	—	—	—
20	Rhamnus cathartica—крушинник	—	—	—
21	Hypericum hirsutum—зверобой	—	—	—
22	Viola hirta—фиалка	—	—	—
23	Viola canina—фиалка	—	—	—
24	Aegopodium Podagraria—сныть	—	—	—
25	Heracleum sibiricum—борщевик	—	—	—
26	Peucedanum alsaticum—горичник	—	—	—
27	Cuscuta lupuliformis Krock—повилика	—	—	—
28	Lithospermum officinale—воробейник	—	—	—
29	Brunella vulgaris—черноголовка	—	—	—
30	Betonica officinalis—буквица	—	—	—
31	Origanum vulgare—душица	—	—	—
32	Nepeta nuda—котовик	—	—	—
33	Veronica Teucrium—вероника	—	—	—
34	Melampyrum cristatum—марьянник	—	—	—
35	Melampyrum arvense—марьянник	—	—	—
36	Scrophularia nodosa—норичник	—	—	—
37	Campanula persicifolia—колокольчик	—	—	—
38	Adenophora liliifolia (L) Ldb—бубенчики	—	—	—
39	Aster sedifolius—солонечник	—	—	—
40	Aster Hauptii Tausch—солонечник	—	—	—
41	Solidago Virga aurea—золотарник	—	—	—
42	Inula hirta—девясила	—	—	—
43	Inula subhirta C. A. M.—девясила	—	—	—
44	Chrysanthemum corymbosum—поповник	—	—	—
45	Carduus crispus—чертополох	—	—	—
46	Hieracium umbellatum—ястребинка	—	—	—
47	Crepis sibirica—скерда	—	—	—
		0	5	47

IV. Влаголюбивые растения дна балки, у воды.

1	Phragmites communis Trin—камыш.	—	—
2	Scirpus silvaticus—осочник	—	—
3	Salix cinerea—тальник	—	—
4	Humulus Lupulus—хмель	—	—

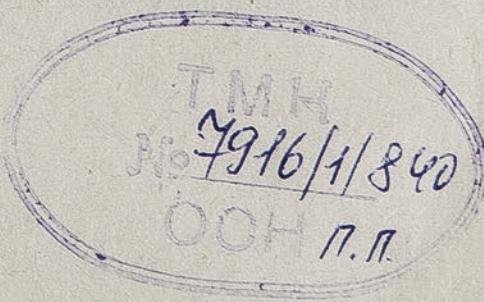
№ по порядку.

Название растений, отмеченных близ х. Кошкина,**Дубово-Уметской вол., Самарского уезда.**

		Сырг (посевы, залежь, у дорог, у жилищ).	Лесокультурная полоса.	Естественный осиновый овраж- ный колок.
5	Polygonum (Persicaria?)—горец			
6	Filipendula Ulmaria (L) Max.—лабазник	—	—	
7	Lythrum Salicaria—дербенник	—	—	
8	Epilobium hirsutum—кипрей	—	—	
9	Epilobium adnatum Gris—кипрей			
10	Anthriscus silvestris (L) Hoffm.—купры	—	—	
11	Stachys palustris—чистец	—	—	
12	Lycopus exaltatus—зюзник	—	—	
13	Solanum persicum Willd—паслен	—	—	
14	Galium rubioides—подмареник	—	—	
15	Bidens tripartitus—череда	—	—	
		0	0	15
V. Виды с широкой приспособляемостью.				
1	Calamagrostis Epigeios (L) Roth—вейник			
2	Bromus inermis Leyss—костер	—	—	
3	Dactylis glomerata—ежа	—	—	
4	Viscaria viscosa (Scop.) Ach.—смолка	—	—	
5	Thalictrum minus—vasилистник	—	—	
6	Ranunculus polyanthemus—лютик	—	—	
7	Sedum maximum Suter—очиток	—	—	
8	Sanguisorba officinalis—кровохлебка	—	—	
9	Trifolium pratense—клевер	—	—	
10	Trifolium montanum—клевер	—	—	
11	Hypericum perforatum—зверобой	—	—	
12	Pimpinella Saxifraga—бедренец	—	—	
13	Phlomis tuberosa—железняк	—	—	
14	Plantago major—подорожник	—	—	
15	Knautia arvensis (L) Coulт—короставник	—	—	
16	Chrysanthemum Leucanthemum—поповник	—	—	
17	Artemisia paniculata Lam—куровник.	—	—	
		9	9	13
178	ВСЕГО ВИДОВ	95	52	101

А. Ф. Терехов.

БЕСПЛАТНО.

Издание Общества Археологии Истории, Этнографии и Естествознания в Самаре,
Садовая 45.